

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК КАК КОНТРАКТ МЕЖДУ СИЛЬНЫМИ И СЛАБЫМИ

А.С. СКОРОБОГАТОВ,

кандидат экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: skorobogat@mail.ru

В статье рассматривается взаимосвязь между распределением силового ресурса и строением общества с использованием подходов экономики истории и исторической социологии. Обсуждается компромиссный выбор между аллокативными и дистрибутивными эффектами общественных альтернатив. В частности, рассматривается распределение силового ресурса как фактора, определяющего приемлемость тех или иных институтов в плане их дистрибутивных последствий. В контексте отношения сильных и слабых и с использованием исторических примеров обсуждаются взаимодействие между городом и деревней, неравное распределение выгод прогресса и рисков, связанных с экономическими кризисами, а также взаимосвязь между современными и архаичными формами организации и обмена.

Ключевые слова: экономика истории; историческая социология; справедливая цена; капитализм; аллокативные и дистрибутивные эффекты.

SOCIAL ORDER AS A CONTRACT BETWEEN THE POWERFUL AND THE WEAK

A.S. SKOROBOGATOV,

Candidate of Economics (PhD), Professor,
National Research University Higher School of Economics,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: skorobogat@mail.ru

The paper examines the relationship between the force distribution and social system with the use of the economics of history and the historical sociology. A trade-off between the allocative and distributive effects of the social choice is discussed. In particular, the force distribution is discussed as a factor which determines whether an institution is acceptable by its distributive consequences. In the context of relations between the powerful and the weak, and with the use of historical precedents, interactions are examined between the urban and rural communities, unequal distribution of progress related benefits and crisis related risks, as well as the link between the up-to-date and archaic modes of organization and exchange.

Keywords: economics of history; historical sociology; just price; capitalism; allocative and distributive effects.

JEL classification: A12, B52, N01, P51.

Гипотеза рациональности, отличающая экономическую теорию от других общественных наук, в настоящее время интерпретируется шире, чем в прошлом. Согласно современной интерпретации,

рациональный индивид может проявлять себя не только в институциональных рамках рыночной экономики, но и в других общественных системах или даже в условиях отсутствия правопорядка. В этом случае, в зависимости от располагаемого силового потенциала, рациональный индивид может искать выгоды не в производстве, а в распределении. В настоящей статье обсуждается взаимосвязь между порядком и иерархией в истории на основе экономики истории и исторической социологии. Основной вклад этих подходов в понимание общества и истории заключается в учете силового ресурса и его распределения как предпосылки развития рынка и получения выгод от торговли.

Аллокативные и дистрибутивные эффекты социального порядка

По К. Викселлю, различные общественные альтернативы следует сравнивать по их аллокативным и дистрибутивным эффектам. Когда речь идет о выборе институтов, эти эффекты сводятся к порядку и иерархии, соответственно. Порядок формируется в процессе перехода от первоначального хаоса войны всех против всех, непосредственно вытекающего из индивидуальной рациональности «экономического человека», к упорядоченным отношениям взаимовыгодного сотрудничества.

То, что помимо эффектов аллокативных всякий институт и связанная с ним деятельность создают и дистрибутивные эффекты, сообщает социальному порядку иерархический характер. Самые, казалось бы, нейтральные в плане дистрибутивных последствий общественные соглашения, такие как календарь, язык или деньги, создают порядок, но неизбежно порядок иерархический, поскольку, внося согласованность в действия людей и, тем самым, создавая для них дополнительные выгоды, неравно их распределяют между ними. И наоборот, деятельность, исключительно ориентированная на перераспределение, вместе с тем, порождает и порядок, поскольку снижает издержки, связанные с потенциальным грабежом. Порядок в данном случае является результатом направления насильственной энергии человека в наиболее безобидное русло (*Northetal., 2009*) либо, что еще важнее, устранения стимулов к реализации силового ресурса. Такое устранение стимулов к грабежу может быть обеспечено распределением по силе, при котором в рамках сотрудничества каждый получал бы столько, сколько мог бы в лучшем случае получить посредством нарушения существующих правил. В результате сотрудничество избавляет слабых от заведомо проигрышной для них борьбы, а сильным доставляет в лице слабых источник пропитания и обогащения.

Однако порядок, удовлетворяющий сильных, может оказаться неоптимальной общественной альтернативой.

Таблица 1

Два равновесия Нэша с различными значениями общего выигрыша и его распределениями между игроками

Игрок А \ Игрок В	Х	У
	Х	2, 1
У	0, 0	1, 3

Данная мысль проиллюстрирована в табл. 1, в которой игра с двумя равновесиями Нэша предполагает их ненейтральность для распределения выигрыша между игроками. Приведенные в качестве иллюстрации значения выигрышей позволяют легко представить неоднородную мотивацию игроков, а именно: они оба заинтересованы в достижении равновесия Нэша, но из двух возможных равновесий они бы выбрали разные равновесия. Улучшающее положение обоих равновесие Нэша создает вместе с тем и иерархию, а возможность альтернативной иерархии допускает общественный «выбор» иерархического порядка в ходе борьбы. Побеждает сильнейший, и его победа обозначает переход от борьбы к сотрудничеству к взаимной выгоде сторон.

Как показывает тот же числовой пример, победа сильнейшего, хотя и улучшает размещение ресурсов, необязательно его оптимизирует. В представленном примере такой возможности соответствует победа альтернативы Х. Она не является наилучшей, но может торжествовать благодаря

сравнительному силовому преимуществу игрока А. Конфликт между эффективностью и интересами сильных должен разрешаться в пользу последних, и, соответственно, прогресс в истории должен обнаруживаться только тогда, когда он оказывается им на руку.

Итак, задаваемые распределением силовых ресурсов требования к дистрибутивному эффекту правопорядка ограничивают его возможности обеспечения рационального размещения ресурсов или, иными словами, ослабляют его аллокативный эффект. Благодаря этим требованиям к дистрибутивному эффекту, устойчивое распределение прав собственности может не обеспечивать оптимального размещения ресурсов. Соответственно, разделение труда может не отражать в полной мере сравнительных преимуществ его участников.

Согласно теореме Коуза, представляющей собой обобщение принципа сравнительных преимуществ, распределение прав собственности и вытекающее из него распределение видов деятельности между обществами или индивидами должно соответствовать правилам эффективности, если оно формируется в совершенно конкурентной среде. Последнее условие, сформулированное Дж. Стиглером, сводится к полной спецификации прав собственности, нулевым транзакционным издержкам и отсутствию эффекта богатства. В этом случае все ценные ресурсы будут обмениваться вплоть до их попадания в руки наиболее эффективных собственников. Гарантированное попадание каждого ресурса в наиболее эффективные руки посредством обмена должно быть обеспечено за счет отсутствия препятствий в виде правовой неопределенности, издержек обмена или особых преимуществ у тех, кто уже занимает видное место в распределении прав собственности.

Отсутствие у кого-либо особых преимуществ означает, что сравнительные преимущества в употреблении ресурса будут единственным фактором, определяющим его конечного собственника. Если даже вначале ресурс попадает в руки неоптимального собственника в терминах отдачи от него, потенциально более эффективный собственник будет в состоянии предложить ему за него цену, при которой переход ресурса в руки последнего повысит благосостояние обеих сторон. Соответственно, значение эффекта богатства состоит в том, что создаваемые различием в богатстве преимущества могут перекрыть разницу в эффективности (*Скоробогатов, 2006а. С. 83–84*). Иными словами, богатый может быть богат, потому что он уже богат, и заниматься какой-либо деятельностью, поскольку и раньше ей занимался, – и это может оставаться в силе независимо от того, обладает ли он соответствующим сравнительным преимуществом.

Это имеет значение постольку, поскольку различные виды деятельности неравноценны по создаваемой ими экономической и политической власти (*Скоробогатов, 2008*). Неравноценность же видов деятельности приводит к неравенству между индивидами и сообществами в располагаемых ими экономических и силовых ресурсах. Преимущество в располагаемых ресурсах и порождает эффект богатства, нарушающий действие принципа эффективности и проявляющийся в том, что индивиды и сообщества, занимающие выгодное место в разделении труда, имеют возможность пользоваться своими экономическими и силовыми преимуществами для фиксации сложившегося разделения труда. Тем самым неравенство, вызванное сложившимся разделением труда, содержит в себе условия своего воспроизводства, а эффект богатства оказывается частным случаем зависимости от пройденного пути. Порядок же выступает в качестве иерархии силы, а не иерархии эффективности.

Современный институциональный подход отличает понимание того, что «экономический человек» производит лишь при отсутствии у него возможности отнять. В противном же случае он может выступать в описанной М. Олсоном ипостаси бандита (*Olson, 2000*). В соответствии с основной идеей дилеммы заключенных, бандит в этой модели ведет себя со своими жертвами в зависимости от ожидаемой длительности их отношений. Кочующий бандит извлекает полную выгоду из возможности краткосрочного грабежа, предоставляемой ему его силовым преимуществом над жертвой, которая, оказавшись сильнее она, повела бы себя точно так же по отношению к нему. Это хищник, действующий по принципам войны всех против всех, поскольку не рассчитывает на будущие выгоды от текущего воздержания от насилия. Но если такие долгосрочные расчеты появляются, бандит становится оседлым. Его отношения с обираемыми приобретают характер сотрудничества. Контракт между бандитом и обираемыми можно рассматривать как момент перехода от дикого состояния войны всех против всех к организованному обществу, но, напомним, с той оговоркой, что в отличие от рыночной идиллии традиционной экономической теории, это сообщество неравных и потому иерархическое.

Таким образом, общества в истории – это системы долгосрочных отношений между людьми с различным силовым потенциалом. Потому любое общество – это контракт между неравными. Одним из следствий этого является относительность свободы, если иметь в виду ее зависимость от контроля за силовыми и прочими ресурсами, определяющими выживание. Свобода, как и излишек сверх минимума средств существования, опять-таки обеспечивается силой. Она не совместима со слабостью, и потому слабый всегда будет не только беден, но и поработен, какой бы формально ни была общественная система, к которой он принадлежит.

От сравнительной величины силового потенциала зависит, будет ли рациональный индивид искать личной выгоды в производстве или распределении. Поскольку именно сфера распределения является уделом сильных и, значит, источником излишка сверх минимума средств существования, это предполагает доминирование стимулов распределительных над производительными, явную предпочтительность возможностей силовых перед хозяйственными в качестве направления «карьеры» рационального индивида в истории.

Д. Норт и Р. Томас предложили свою трактовку феодальных отношений, согласно которой их следует рассматривать как взаимовыгодный обмен «защиты и справедливости» со стороны феодала на средства существования со стороны крестьян (*North, Thomas, 1971*). Но ведь контракт здесь заключается между сильным и слабыми, что делает его выгодным прежде всего для первого. При этом такой контракт обычно имеет еще и безальтернативный характер. Выживание как основная ориентация слабого человека делает для него неизбежным предпочтение «оседлого бандита» «бандиту кочующему». Клиентские отношения, будь то между средневековыми феодалами и крестьянами, римскими патрициями и плебеями или разнообразными патронами и клиентами современной истории, раскрывают саму подоплеку социальной свободы (см. также *Fenoaltea, 1975*). В ее основе лежит контроль за ключевыми для выживания ресурсами, прежде всего силовыми (*Скоробогатов, 2009а*).

Права собственности неотделимы от способов их защиты, поскольку содержащиеся в них запреты реализуемы лишь при наличии принуждения. Поэтому разницей силового потенциала задается как распределение прав собственности, так и система их защиты. Иными словами, сильному его силовой ресурс позволяет не только установить выгодные для него права собственности, но и гарантировать себе их сохранение, поскольку сила представляет собой иммунитет от экспроприации. Наоборот, слабый, не имея силовых ресурсов, будет обделен при разделе прав собственности, и даже то, чем он располагает, может быть у него отнято по причине отсутствия у него возможности оградить свою собственность от посягательств. Не будучи в состоянии рассчитывать на свои силы в обеспечении своих прав собственности, слабый вынужден полагаться на не принадлежащие ему силовые ресурсы. Это могут быть силовые ресурсы, находящиеся в частных руках сильного, который мог бы взять на себя защиту прав собственности слабого в обмен на некоторую часть этих прав. В развитом обществе это могут быть и общественные силовые ресурсы, находящиеся в руках государства.

Разница между сильными и слабыми в обеспечении их прав собственности может создавать у них и различные стимулы в отношении исходящих от государства способов их защиты. Наличие у сильных доступа к частным средствам защиты прав собственности может ослаблять или даже делать отрицательными их стимулы в отношении общественной системы защиты прав собственности. Последняя возможность, отсутствие у сильных заинтересованности в общественной системе защиты прав собственности, была раскрыта К. Сониным с помощью предложенной им модели, формально описывающей стимулы богатых в отношении частной и общественной систем защиты прав собственности (*Sonin, 2003*). Эта модель, в частности, стала основой для объяснения поведения российских олигархов в 1990-е гг.

Согласно логике модели, богатые не заинтересованы в хорошей общественной системе защиты прав собственности, поскольку она стала бы помехой для их обогащения, связанного с обиранием других, свою же собственность они в состоянии защитить и сами. Рациональным содержанием этой модели является то, что каждый получил бы наибольший выигрыш, будучи защищен сам, но имея дело с незащищенным окружением. Заинтересованность богатых в качественной частной защите прав собственности при слабой общественной системе их защиты выдает их стремление к иерархическому устройству общества, предполагающему различный правовой статус для раз-

ных уровней иерархии. Качественная частная и некачественная общественная система защиты прав собственности, по сути означает защищенность прав собственности богатых и незащищенность прав собственности бедных. При этом фактический правовой статус богатых и бедных различается – гарантия сохранности собственности предоставлена только первым. Сама по себе такая система должна способствовать воспроизводству и усилению сложившейся системы имущественного неравенства: богатые не обеднеют, поскольку они защищены и, вдобавок к этому, имеют возможность еще более обогащаться за счет бедных, пользуясь их незащищенностью.

В случае конфликта двух сторон при условии слабости общественной системы защиты в выигрыше окажется та, которая обладает большим частным силовым потенциалом. Проистекающая отсюда возможность доминирования делает ее незаинтересованной в общественной системе, наделяющей всех равными правами. Слабость общественной системы защиты прав собственности может выражаться в равнодушии и пассивности органов правопорядка, при которых определяющим для исхода конфликтов будет сравнительный доступ сторон к частным организационным устройствам защиты прав собственности. Обладание здесь преимуществом открывает возможность ущемления чужих прав собственности к личной выгоде.

Эта взаимосвязь между силовыми ресурсами, правами собственности и доступом к их защите нередко в истории создавала тенденцию к углублению имущественного неравенства. Прогресс цивилизации, государства, экономики очень часто в истории оплачивался ухудшением условий жизни простого населения, поскольку первым следствием прогресса зачастую было углубление силового неравенства между различными классами, за которым уже следовало углубление неравенства экономического.

Как отмечает Ф. Бродель, развитие капитализма в XVI–XVII вв. сопровождалось усилением нищеты, достигшей крайней степени в середине XVII в., что выразилось в усилении преступности (Braudel, 1972. P. 734). На севере Европы под маской религиозных войн шли социальные революции (Ibid. P. 735). Соответствующие процессы в Европе в Новое время были обозначены Марксом как «первоначальное накопление». В ходе этого процесса крестьяне и ремесленники из мелких собственников превращались в бродячее население с перспективой фактического рабства в рабочих домах в Старом свете, в колониях Нового света в качестве «завербованных» или «законтрактанных слуг» (Бродель, 1992. С. 406) или же, что станет господствующей тенденцией после Промышленной революции, «зарплатного рабства» – в качестве пролетариата (Скоробогатов, 2009а). В средние века в Византийской империи формирование экономики, ориентированной на экспорт, таким же образом сопровождалось «ухудшением социальной базы» (Whittow, 2008. P. 491).

Так и в истории России прогрессивный рост государства при последовательных переходах от удельного к московскому, затем – к имперскому (Кулишер, 2004) и, наконец, к советскому периодам нередко отмечался тенденцией к ухудшению жизни народа (Осокина, 2008). Ухудшение выражалось в постепенном закрепощении, затем в крепостном праве, а в советское время – в коллективизации и фактическом возвращении и ужесточении крепостного права (Верм, 2006). Во всех этих случаях ограничение свободы крестьянского населения осуществлялось ради перераспределения дохода как предпосылки укрепления военной мощи государства.

Выбор между аллокативными и дистрибутивными эффектами

Зависимость прав собственности от распределения силовых ресурсов вкупе с тем фактом, что непосредственным источником прав собственности является государство, предполагает, что в своей деятельности оно учитывает неоднородный силовой потенциал его подданных. Эти соображения предполагают, что желаемый государством дистрибутивный эффект должен включать в себя также и выгодное ему распределение прав собственности и дохода среди его подданных.

Как и в случае любой другой организованной группы, ориентация государства на общественно-полезную деятельность зависит от наличия, степени и формы конкуренции, с которой она сталкивается. Создаваемый конкуренцией стимул состоит в угрозе замены лучшей альтернативой. Чем доступнее заменители существующей политической организации, тем меньшей свободой она располагает при выборе соотношения аллокативного и дистрибутивного эффектов как целей своей деятельности.

Характер и последствия внутренней политической конкуренции зависят от того, насколько рассеян в обществе организационный ресурс, позволяющий сменить правителя. Демократические институты способствуют такому рассеянию и, тем самым, усиливают стимулы правителя заботиться об аллокативном эффекте своей политики. Однако традиционной формой внутренней политической конкуренции является борьба за поддержку не всего населения, а влиятельных групп. Согласно неоклассической теории государства Норта, это сообщает правителю положение дискриминирующего монополиста, когда условия обмена правопорядка на налоги различаются для разных социальных слоев (*North, 1981. Pp. 23–24*). Классы общества неоднородны в плане создаваемой ими опасности для положения правителя, и ему приходится больше угодать тем, от кого исходит большая угроза его замены. Тем самым, стимулы, создаваемые такой политической конкуренцией, имеют менее конструктивный характер, поскольку сохранение места правителя обеспечивается условиями обмена уже не между ним и обществом, а между ним и каким-либо общественным классом.

Силовая иерархия вкупе с соответствующим ей распределением по сравнительному доступу к силовым ресурсам стала базовым принципом строения обществ, начиная с первых цивилизаций (*Northetal., 2009*). Этот принцип нашел выражение в социальной философии Аристотеля, в частности, в концепции справедливой цены (*Аристотель, 1983*). Задаваясь вопросом о том, какой уровень цены является справедливым и, если несколько уподобить поставленный им вопрос проблематике современной экономической теории, устойчивым, он дал ответ, сформулировав принцип соответствия цены статусу продавца. Этот принцип, фактически, оказался оригинальной трактовкой соответствия цен издержкам производства.

Исходным пунктом этой концепции является предпосылка неравенства людей от рождения – неравенства, связанного с различием унаследованных от родителей талантов и статусов, а также, в более общем плане, с разницей в уме и способностях между народами¹. Другая ключевая предпосылка вылилась в знаменитый афоризм Аристотеля – «человек есть животное политическое», т. е. является частичкой общества, в данном случае организованного в виде полиса. В соответствии с этой предпосылкой, каждый человек обретает самого себя, цели и необходимые условия своего существования, в известном смысле, счастье только в определенном социальном контексте. Поэтому в сохранении социума должен быть заинтересован каждый, сколь бы низкое место он в нем ни занимал. Иными словами, выживание человека, во-первых, не сводится к чисто биологическим условиям, во-вторых, имеет не индивидуальный, а коллективный характер.

Сохранение социума предполагает воспроизводство его структуры, в частности, должна оставаться неизменной его иерархия. Каждому статусу соответствует определенный образ жизни и, тем самым, – уровень расходов и объем имущества. В результате законные и естественные потребности на разных уровнях иерархии различаются. Жизнеспособность сообщества зависит от удовлетворенности законных потребностей всех его слоев. Именно этой цели и должен отвечать обмен. Каким может быть прочтение этой концепции в терминах современной экономической теории? Обмен по «справедливым ценам» – это разновидность не столько рынка, сколько перераспределения. Справедливость, требующая определенного распределения дохода и одновременно предполагающая различное обеспечение разных категорий населения, как раз и обеспечивается перераспределением и, соответственно, командной системой организации хозяйства.

Если признать в справедливой цене именно цену, по которой совершается рыночный обмен, то очевидно, что речь здесь не может идти об обмене в условиях свободной конкуренции, поскольку соответствующие перемещения факторов производства привели бы к выравниванию цен и, соответственно, их отклонению от «справедливых» уровней. Поддержание таких цен может быть только при обмене между закрытыми отраслями. В этом случае требуемая Аристотелем справедливость может быть обеспечена лишь различающимися нормами прибыли в разных отраслях – разницей, которая не может сгладиться за счет перелива факторов производства по причине их закрытости. Так может быть достигнута устойчивая разница в доходности разных занятий, а их распределение между разными иерархическими слоями может создать требуемое различие доходов между ними.

¹ Эта предпосылка была для Аристотеля и его современников таким же очевидным фактом, как и усвоенная современной западной цивилизацией от эпохи Просвещения идеология об изначальном равенстве людей.

Таким образом, «система множественных слоев социального статуса и социальной награды грубо коррелирует со сложной системой распределения производственных наград» (*Wallerstein, 1974. P. 86*). В частности, посредством внешне рыночных институтов может быть достигнут тот же результат, что и с помощью командной экономики, а именно, – соответствие разделения труда социальной структуре.

В рамках дарообменных отношений справедливые цены могут представлять собой пропорции обмена, в которых выражаются долгосрочные отношения между сильными и слабыми, такие как клиента, данничество и невольничество (*Скоробогатов, 2011а*). Таким образом, обмен, предполагаемый концепцией, по существу, может быть реализован при любом общественном строе. Но в данном случае обмен – это не источник более глубокого разделения труда, а инструмент перераспределения, направленного на обеспечение справедливости, состоящей в наделении каждого тем, что причитается его статусу.

Общественная система с неподвижными социальными статусами и соответствующими им закрытыми видами деятельности имеет определенные преимущества, которыми объясняется то, что такое общество Аристотель и многие мыслители вплоть до современной эпохи находили не только удовлетворительным, но и единственно приемлемым. Во-первых, занятие определенного места в иерархии и ответственное отношение к предполагаемой этим местом деятельности лучше соотносится с идеей принадлежности человека полису и идеей служения, чем деятельность, ориентированная на прибыль в условиях конкуренции. Общественный идеал Аристотеля здесь состоит в том, чтобы каждый занимал свое место, не стремясь к более высокому положению, а лишь ища совершенства в рамках доставшегося ему занятия. То, что жители античных обществ следовали этому идеалу, подтверждают приводимые М.И. Финли факты по поводу характера и использования инноваций в античном мире. Любые идеи, в том числе в области механики и техники, воспринимались как ценность в себе, безотносительно к их практическому приложению. Наиболее видные греческие ученые, например, Архимед, даже считали унижением для своих идей их практическое применение (*Finley, 1965. P. 33*). В сфере хозяйства и, в частности, ремесла если и ставилась какая-то сознательная цель в плане совершенствования, то была связана не с ростом производительности труда, а с достижением максимально возможного качества, так что ремесло нередко уподоблялось искусству.

Другим, может быть, еще более важным преимуществом такого общественного устройства является стабильность. Когда каждый знает свое место и не пытается изменить общество ради благоприятного передвижения по социальной лестнице. При этом необходимые стимулы создаются не только идеологическими соображениями, но и рациональным расчетом, связанным с оценкой своего относительного силового ресурса. Именно в таком ключе предложил рассматривать стабильность иерархического порядка Норт с соавторами в своей последней книге (*Northetal., 2009*). В этом случае рента оказывается не только доходом, проистекающим из распределения, как это предполагает модель Таллока (*Скоробогатов, 2006а. P. 60–64*), но фактором порядка. Таким образом, идея Аристотеля о справедливой цене как учитывающей и воспроизводящей статусы, применительно к крупному обществу, – в котором кооперация обеспечивается не за счет личного долгосрочного знакомства, – в терминах современной теории может быть истолкована в смысле распределения ренты с целью поддержания правопорядка.

Ориентация деятельности не на производство, а на распределение возникает в любом обществе, которое состоит из групп специальных интересов, ориентированных на поиск ренты, даже и тогда, когда они не образуют ярко выраженную иерархию. Важным отличием групп специальных интересов, соответствующих различным статусам в иерархическом обществе, от групп специальных интересов в обществе, формально не организованном по принципу иерархии, является то, что в них поиск и распределение ренты выполняет конструктивную функцию воспроизводства порядка. Распределение ренты в иерархических обществах удерживает обладателей силового преимущества от грабежа. В условиях же приблизительного равенства силового потенциала получение рентных доходов группами специальных интересов не является условием удержания их от грабежа. Ведь в отсутствие силового преимущества перед другими они не выберут для себя грабительскую стратегию и при отсутствии рентных доходов. При этом, в конечном счете, поиск ренты со стороны

приблизительно равносильных групп специальных интересов должен в той или иной степени взаимно погашаться, оставляя единственным результатом их деятельности понесенные ими затраты на обеспечение себе максимально возможной доли в распределении общего пирога. Иными словами, в иерархическом обществе поиск ренты имеет своим результатом перераспределение дохода, являющегося необходимой предпосылкой сохранения порядка, тогда как в условиях реальной демократии эффект от поиска ренты сводится к растрате ресурсов вкупе с некоторым (менее значительным) перераспределением, которое уже не является условием поддержания стабильности.

Порядок, обеспечиваемый устоявшейся социальной иерархией, не только приносит выгоды в виде стабильности, но и оплачивается неспособностью общества к надлежащему развитию. Смысл существования иерархии состоит в воспроизводстве статусов как закрытых каст, различающихся в плане приносимых ими чистых выгод. Доступ в высшие касты ограничен и не определяется конкуренцией. Тем самым статусы обеспечивают устойчивое неравенство в распределении выгод от обмена, в частности, через воспроизводство разницы в прибыльности разных видов деятельности, закрепленных за различными статусами. Поэтому ограничение конкуренции оказывается главным мотивом для поддержания иерархической структуры. Отсутствие конкуренции в той или иной деятельности означает и отсутствие надлежащих стимулов, что приводит к слабой восприимчивости к нуждам общества и, в частности, к недопроизводству и потерям качества.

Господство города над деревней

Важным элементом в системе иерархии при возникновении крупных обществ является город. При различных общественных устройствах жизнь в городе предполагает преимущество организации и силы. Согласно К.А. Виттфогелю, частные собственники в феодальной Европе обладали организационным потенциалом в городах, в гидравлических же обществах они были организационно бессильны. Города были административными и военными форпостами государства (*Wittfogel, 1957*). Таким образом, сравнительное положение частных собственников в различных обществах выражалось и в том, сосредоточена ли их деятельность в городе, или нет.

Основным отличием города от деревни, распространяющимся на все общества и эпохи, является высокая плотность располагающегося в нем населения. Сельское хозяйство исключает возможность территориальной концентрации населения. Ведь земледелие и, в гораздо большей степени, скотоводство – это исключительно «землеемкие» занятия, поскольку земля в них является определяющим производственным фактором, тем самым требуя высокой «землеооруженности» труда. Отсюда следует, что возможность концентрации населения определяется для него доступностью не им произведенных продуктов сельского хозяйства.

Концентрация населения связана с мотивами приобретения как силовых, так и экономических ресурсов. И те и другие ресурсы скученное население приобретает благодаря открываемым этой скученностью организационным возможностям (*Скоробогатов, 2011b*). Эти возможности связаны с легкостью сообщения и передачи информации, что позволяет координировать действия большого количества людей. Последнее имеет особенно важное значение для военной организации. Экономические же выгоды проистекают из возможностей агрегирования спроса через концентрацию на одном месте множества людей и, тем самым, реализацию возможностей рыночной организации. Отсюда, в свою очередь, проистекают возможности разделения труда и, в частности, специализации на видах деятельности, в которых используемая технология не требует большой землеооруженности, а именно, – на торговле и ремесле. Торгово-ремесленная специализация не только позволяет реализовать чисто хозяйственные выгоды от обмена и разделения труда, но и расширяет технологические перспективы в силовой сфере, связанные с возможностью производства и покупки оружия.

В каких-то случаях отсутствие сельскохозяйственных ресурсов может способствовать торгово-ремесленной специализации, благодаря которой соответствующая территория становится сильнее и богаче территорий, насыщенных сельскохозяйственными ресурсами. В истории античного мира примером является островное государство Родос. На Родосе основное население проживало в столице и главными видами деятельности были коммерция и банковское дело, тогда как сельское хозяйство играло второстепенную роль (*Rostovtzeff, 1941. P. 236*). Коммерческая специализация

способствовала возвышению острова, в том числе в военном отношении. Реализация коммерческих преимуществ Родоса, связанных с посредничеством в торговле египетским зерном, требовала борьбы с пиратством. Это стимулировало развитие мощного постоянного флота (*Ibid. P. 230*).

Возникновение городов должно объясняться стимулами к получению благ, которые недоступны в деревне. Если исходить из того, что эти блага распадаются на те, от которых зависит выживание, и те, что обеспечивают лишь повышение качества жизни, естественно предположить доминирование стимулов к приобретению благ первого типа в условиях редкости и тех, и других благ. Иными словами, человек в первую очередь беспокоится о сохранении своей жизни, и лишь во вторую очередь, когда уже не приходится бороться за выживание, – о ее улучшении.

Натуральное же хозяйство, изначально предполагаемое деревенской жизнью, хотя, конечно, уступает в производительности хозяйству специализированному, обеспечивает выживание постольку, поскольку выживание зависит от жизненно важных благ, доставляемых хозяйственной деятельностью. Однако, помимо последних, выживание определяют также и силовые ресурсы, обеспечивающие безопасность. И в этом отношении деревня далеко не столь самодостаточна, как в плане обеспечения человека необходимыми средствами потребления. Поэтому едва ли хозяйственную выгоду от разделения труда между первичным и вторичным секторами можно считать первопричиной возникновения городов, поскольку деревне разделение труда может в лучшем случае обеспечить улучшение жизни, но не выживание, когда оно не гарантировано.

Первопричиной должна была стать жизненно важная потребность, которую не позволяет удовлетворить сельская организация. И таковой является потребность в безопасности. Разобщенность населения в деревне, затрудняющая для него эффективную военную организацию, а также и меньшая доступность оружия в силу того, что сельское хозяйство не обеспечивает прямого доступа к нему, делает его уязвимым для грабежа. Поэтому первое, в чем кровно заинтересована деревня, но не в состоянии произвести сама, это достаточный для выживания силовой ресурс.

Характерно в этой связи то, что город с древности отождествлялся с крепостью, как это имело место, в частности, в древней Руси, где основу города составляло «городище» – крепость, постепенно обраставшая «посадам», т. е. прежде всего крестьянским населением, располагавшимся вдоль крепостных стен, за которыми можно было скрыться в случае опасности. Даже в тех случаях, когда деревня территориально не примыкала к крепости, источник защиты она обычно видела в близлежащем городе. Исключение здесь, конечно, составляют пастушеские племена, специализация которых создает для них настоятельную необходимость вести кочевой и, тем самым, агрессивный образ жизни. Другое известное исключение – это сообщества вооруженных крестьян, таких как ковбои в Новом свете и казаки в южнорусских степях. Но это исключение может быть объяснено чрезвычайным обилием плодородной земли на этих территориях, допуская сравнительно высокую концентрацию крестьянского населения, а также и характером эпохи, когда эти территории только колонизировались и города еще не сформировались. За этими исключениями, город для деревни – источник защиты.

Но здесь, опять-таки, срабатывает логика модели оседлого бандита. Между городом и деревней производится обмен, но условия этого обмена диктует сторона, наделенная силой. Поэтому неудивительно, что с древности жители городов – торговцы и ремесленники – имели возможность эксплуатации земледельцев, пользуясь своим силовым потенциалом, проистекающим из их организационного преимущества перед рассеянными по земле крестьянами и доступа к оружию, напрямую открываемого их хозяйственной деятельностью.

В раннее Новое время прогресс в военном деле и в развитии обмена сопровождался углублением социально-экономического неравенства и соответствующим расселением между городом и деревней. Так, основным социальным трендом в обеих крупнейших империях Средиземноморья этой эпохи – Турции и Испании – было экономическое и социальное расслоение общества, в ходе которого знать богатела и мигрировала в города (*Burke, 1990. P. 36*).

Помимо господства над ближайшей деревенской округой город обычно входит в систему городов, образующих собственную иерархию. Столица располагается на вершине иерархии из подчиненных городов и деревень, и ее блеск проистекает из эксплуатации нижестоящих. Например, Византийская империя была устроена так, что все ресурсы текли в столицу (*Whittow, 2008. P. 491*).

Примеры такого рода из истории Нового времени приводит Бродель (*Бродель, 2007*). Этим объясняется тенденция к переполнению городов, и тенденция тем более сильная в городах столичных, которая связана с усиленной иммиграцией с подчиненных территорий ради приобщения к выгодам города, эксплуатирующего свои колонии. Так люди пытаются переместиться вверх по иерархии, разменять свою участь эксплуатируемых на положение эксплуататоров. Деревня стремится в город, поскольку занимает низшее положение в иерархии сравнительно с городом и потому беднее, и по той же причине жители подчиненных городов стремятся в города столичные.

Но наряду с этим существует и встречная тенденция перемещения людей из города в деревню по мере обретения ими статуса, который может быть получен при реализации возможности городской жизни. В этом случае возникает стремление дополнить полученное в городе выгодами деревенской жизни. Сам по себе город с его скученностью населения во многом уступает деревне в качестве жизни, так что город стремится в деревню, ища избавления от тягот городской жизни. Так возникает система взаимных перемещений между городом и деревней – деревня стремится в город, город – в деревню, поскольку человек хочет власти и богатства, создаваемых городами, и покоя и чистоты, обретаемых в деревне. Удовлетворение обоих желаний нередко вызывает размещение сельских поселений вокруг городов, включая поместья богатых. Территориальная близость города и пригородных поселений обеспечивает людям возможность совмещать выгоды города и деревни.

То, что сильные и богатые, имея источником своего положения город, нередко предпочитают деревенскую жизнь, указывает на то, что жизнь в городе для очень многих является вынужденной. И вынуждает, главным образом, незащищенность человека в деревне. Простой человек может иметь строгое предпочтение в пользу деревенской жизни и быть готовым приложить труд к преобразованию окружающего его природного пространства, но, будучи слабым, он уязвим для грабежа, что лишает его надлежащих стимулов к труду, а деревенскую жизнь – всех ее преимуществ. Поэтому, чтобы реализовать свое предпочтение деревенской жизни, ему нужно сначала отправиться в город и обзавестись там силовым ресурсом. Тогда уже он сможет вернуться в деревню, будучи гарантирован от грабежа приобретенным в городе ресурсом. Причем располагаемый им ресурс может даже избавить его от труда преобразовывать деревенское пространство, поскольку теперь он сам в состоянии забрать у других деревенских жителей плоды их трудов. Это общее рассуждение приложимо к судьбам как отдельных людей, так и целых фамилий.

То, что в городе человек лучше защищен, чем в деревне, благодаря большим организационным возможностям, имеющимся в городе, в более широком смысле означает институциональную неоднородность не только различных стран, но и регионов внутри отдельной страны. Качество институтов, выражающееся в широте, определенности и защищенности установленных прав собственности, будет отличать как город от деревни, так и господствующие города от городов подчиненных. Таким образом, иерархические различия между территориями выражаются не только в доходах, но и в институтах, также влияющих на качество жизни.

Капитализм как «сфера посвященных»

Описанная разница между городом и деревней является частным случаем разделения пространства между массами людей не только с различными производственными навыками и возможностями, но и с разными иерархическими статусами. Этому разделению пространства соответствует и разделение труда. Тем самым пространства, как территориальные, так и экономические, различаясь приносимыми ими выгодами, подлежат распределению в порядке иерархии. Все это позволяет под особым углом зрения взглянуть на капиталистическую систему, расцветшую после Промышленной революции. Неоклассическая традиция, основываясь на постулате о равенстве возможностей, предполагает, что капитализм просто сводится к развитой рыночной экономике, в которой конкуренция сравнительных преимуществ является единственным фактором разделения труда. При таком подходе высвечивается только одна, положительная, сторона капитализма, связанная с создаваемой им ориентацией рациональных индивидов на получение выгоды не путем грабежа, а путем обмена и, тем самым, оказания обществу полезных услуг.

Акцент на этом конкурентном, созидательном свойстве капитализма может быть оправдан стремлением объяснить экономический прогресс современной индустриальной цивилизации. Но для по-

нимания доиндустриальных обществ, равно как и для понимания ограничений индустриального капитализма успешных стран Запада, важно учитывать и другое свойство капитализма, роднящее его со всеми другими общественными устройствами, а именно – что порядок в отношениях между людьми создается капитализмом через выстраивание иерархии. Именно такой подход к капитализму развивали Маркс, Калецкий, Айхнер, Бродель, Валлерстайн.

Основное, что объединяет этих мыслителей в их взгляде на капитализм, – это понимание его как иерархии, вершина которой занята обладателями капитала, при том что распределение капитала рассматривается как заданная величина, не подлежащая изменению отдельными индивидами. Иными словами, мир иерархического капитализма – это не мир «американской мечты», в котором капитал дело наживное, а его отсутствие не является препятствием для успешной предпринимательской карьеры. Поскольку капитализм – это иерархия, это неизбежно делает эту общественную систему не только созидающей, но и перераспределяющей. Последнее свойство обозначалось Марксом как эксплуатация. В более широком смысле, различие капиталистических статусов означает неравенство в распределении как затрат, так и выгод, связанных с любым общественным процессом, будь то производство, инновации или деловой цикл.

При капитализме люди, находящиеся на разных ступенях, пользуются и институтами различного качества. Это различие было обозначено Броделем при помощи предложенного им подразделения экономических пространств в зависимости от того, характеризуются ли они господством капитализма, рыночной экономики, или же «материальной жизни», т. е. хозяйства, остающегося практически не затронутым историческим прогрессом (Бродель, 1993). Капитализм, рынок и материальная жизнь – это некие типы институциональных структур, причем глубоко отличные от традиционных полярных случаев демократии и авторитаризма, так же как и от марксистских формаций. Эту триаду можно рассматривать как один из способов классификации институтов, определяемых местом в иерархии пользующихся ими индивидов и сообществ. В соответствии с этой триадой, капитализм должен быть прописан в центре, являясь его общественным строем, рынок в полупериферии, тогда как обширная периферия должна жить материальной жизнью (Бродель, 1992. С. 28–31; 1993. С. 95–98). Капитализм понимается Броделем как вершина торговой иерархии, располагающаяся над рыночной экономикой, в каком-то качестве он существовал во все эпохи, когда обмен вовлекал в себя значительную долю населения².

Эти иерархические пространства располагаются концентрическими кругами, различаясь своей организацией и связанными с ней силовыми ресурсами. Если внизу обмен выстраивается по правилам, задаваемым извне, исходящим от государства или иной инстанции, имеющей силу, то в верхней части торговой иерархии сфера обмена – капитализм – имеет тенденцию так или иначе сливаться с силовым аппаратом, что открывает возможность действовать по самостоятельно установленным правилам и изменять их в случае необходимости. Так, одной из специфически капиталистических сфер деятельности, доступных лишь сильным, является торговля на дальние расстояния. Принципиальным отличием здесь является то, что единой и определенной инстанции, под крышей которой можно было бы заключать сделки, не заботясь о сохранности прав собственности, не существует, и тогда заниматься этим может лишь тот, кто смог мобилизовать в своих интересах значительные силовые ресурсы.

Обладание силовыми ресурсами и связанный с ними контроль над установлением и защитой прав собственности открывает доступ к тому, что определяет содержание капиталистического строя – к капиталу. Поскольку обладание капиталом во многом является следствием обладания силой, сильные и слабые изначально располагают неравными возможностями накопления. В результате накопленный одними запас капитала является труднопреодолимым барьером для возвышения тех, кто не имеет таких накоплений.

Идея о силовом происхождении капитала является составной частью развитой Марксом концепции первоначального накопления, согласно которой источником капитала в Новое время был прямой или косвенный грабёж, осуществлявшийся в форме огораживаний, пиратства, ограбления колоний, работоторговли, наконец, войны – тех действий, в которых реализуется преимущество сильного перед слабым (Маркс, 1949. Гл. 24). Впоследствии и М. Калецкий так же предполагал,

² Например, еще в Римской республике внешняя торговля была реализацией привилегий римлян (Моммсен, 1887. Т. 1).

что положение капиталиста обеспечивается капиталом (*Kalecki, 1971*) – тем, что может быть достигнуто только рождением или выходом за грань обыденного – пиратством, войнами и прочим, запрещенным законами общественного спокойствия и морали, – действиями, каковые могут совершаться не только в отведенное для них Марксом время «первоначального накопления», но и в любой другой период.

По мере накопления капитал повышает степень свободы у его обладателей в выборе вида деятельности. На верху капиталистической иерархии спектр доступных хозяйственных занятий становится максимально широким, создавая у находящихся наверху преимущество заниматься наиболее выгодными делами. Кроме того, их положение позволяет им не ограничивать себя специализацией и менять или расширять сферу своей деятельности, когда только это будет найдено выгодным. Благодаря возможностям диверсификации и смены деятельности высшие получают высокие прибыли и одновременно достигают стабильности своего положения.

Если здесь и можно говорить о соревновании в накоплении между высшими и низшими, оно неизбежно проходит с огромной форой в пользу первых. Последние же, наоборот, «прикованы к своей второстепенной роли» (*Бродель, 1992. С. 22*), зажаты в рамках узкой специализации. К этому их вынуждает отсутствие достаточного капитала, который мог бы позволить заниматься многим. В то же время специализация как источник эффективности является для них единственным способом хотя бы отчасти компенсировать свое ущербное положение.

Сильные и слабые при деловых циклах

Поскольку специализация вынуждается слабостью и бедностью, то разделение труда и связанная с ним эффективность формируются именно у основания торговой иерархии. Хозяйство и специализация оказываются по преимуществу уделом слабых, и, значит, именно слабые не только производят, но и обеспечивают экономический прогресс. Прогресс же и связанный с ним рост проходят через циклические колебания. Низшие своей возрастающей активностью способствуют обогащению высших, в то же время спады активности внизу бьют прежде всего по низам. Тем самым, прибыли и риски делового цикла распределяются неравномерно, возлагая основную предпринимательскую работу на низы, а выгоды сохраняя для верхов.

Эти общие соображения могут быть проиллюстрированы и современным фондовым рынком. Крупные дельцы остаются на плаву на протяжении десятилетий, постоянно наращивая свои возможности, поскольку пользуются привилегиями играть по-крупному и быть делателями рынка, а также пользоваться эксклюзивной информацией. Всего этого нет внизу, и обычный брокер обречен всю жизнь копошиться, зарабатывая не больше обычного наемного служащего.

Этому можно поставить в соответствие и развитую Х.Ф. Мински теорию финансовой хрупкости, согласно которой ключевым фактором, определяющим фазу делового цикла, является относительная величина долга, накопленного в экономике в процессе финансирования инвестиций. По мере его накопления финансовая система переходит из «прочного» состояния в «хрупкое» и в процессе этого постепенного перехода возрастает зависимость реального сектора в осуществлении инвестиций от банковского кредита. Хрупкость финансовой системы, в свою очередь, повышает риски заемщика и заимодавца. Тем самым, на повышательных фазах цикла возникают две тенденции, постепенное развитие которых приводит к неизбежному кризису, а именно, наряду с усилением зависимости фирм от банковского кредита доступность последнего уменьшается. В результате «нормальное функционирование финансовых рынков в экономике, которая приходит в результате в состояние бума, порождает финансовый кризис» (*Minsky, 1977. P. 15*). Так накопление долга для финансирования реальных инвестиций выступает в качестве движущей силы циклической динамики капитализма (*Скоробогатов, 2006с*).

Для понимания иерархических свойств капитализма данная концепция важна, поскольку предполагает, что банкротство фирм, наступающее в ходе кризисов, проистекает из принятия ими на себя больших долгов. Однако относительные потребности фирм в заемных средствах и возможности их удовлетворения различаются, что ставит их в неравные условия во время кризисов. Результатом этого неравенства является отсев фирм с наибольшей долей внешнего финансирования в инвестициях (*Agliarietal., 2006*). В периоды кризисов гибнут в первую очередь молодые фирмы,

наиболее нуждающиеся во внешнем финансировании для своего выживания, тогда как укоренившиеся на рынке крупные фирмы значительно легче переживают кризисы и, вообще, любые превратности конъюнктуры.

Крупные и известные фирмы, с одной стороны, объективно меньше нуждаются во внешнем финансировании инвестиций по причине больших выручки и стабильности, с другой же стороны, имеют преимущества в получении кредитов. И это преимущество характеризует не только современный капитализм, но и капитализм сильных и богатых, существовавший в доиндустриальную эпоху. Эта мысль была обобщена Броделем в следующих словах: «деньги – то была привилегия иметь еще больше денег, ибо займы дают только богатым... ежели крупный купец может беспрестанно обращаться к займам, к «кошельку ближнего», к *внешнему* кредиту, так это наверняка потому, что обычные его доходы были куда выше доходов основной массы купцов. Мы оказываемся здесь снова перед линией раздела, подчеркивающей особенности привилегированного сектора обмена» (Бродель, 2006. С. 391–393).

Наконец, сами размеры капитала обеспечивают богатым диверсификацию, возможность не замыкаться в рамках узкой специализации, обеспечивая стабильность. Современный капитализм был охарактеризован Калецким как олигополистический. Доминирование этой рыночной структуры вкупе с сотрудничеством олигополистов снижает неопределенность, поскольку размер обеспечивает им контроль над рынком. Цена устанавливается путем целевой накладки сверх средних полных издержек, размер которой зависит от «степени монополии» (Kalecki, 1966. Pp. 40–59). Это является дополнительным фактором их относительной независимости от внешнего финансирования.

В модели, развитой на основе идей Калецкого, А. Айхнер показал, как накладка может формироваться в зависимости от побуждения к инвестированию и альтернативной стоимости кредитных ресурсов (Eichner, 1973). Последний фактор – ставка процента и условия получения кредита – влияет на предпочтительный способ получения дополнительных средств для инвестиций, посредством внешнего финансирования или с помощью увеличения накладки (в последнем случае платой будет ожидаемое в будущем некоторое сокращение спроса). Но такой альтернативный кредитованию способ получения кредитных средств имеется лишь у крупных фирм, что и делает их менее уязвимыми в условиях кризисов сравнительно с мелкими фирмами. Это является очередной иллюстрацией того, как институты создают аллокативный эффект – в данном случае в виде снижения неопределенности, – но неразрывно связанный с эффектом дистрибутивным, поскольку достижение некоторой степени стабильности здесь происходит за счет укрепления положения тех, кто находится наверху.

Альтернативные общественные системы и орудия торговли на службе у капиталистического центра

Специфической особенностью капитализма как общественного строя является то, что высокое положение в социальной иерархии взаимосвязано с успехами в хозяйственной деятельности (Шумпетер, 1995. Гл. 6). На вершине иерархии у обладателей капитала эти успехи уже во многом самовоспроизводятся по описанным выше причинам, связанным с наличием у них возможности заниматься наиболее прибыльными видами деятельности, диверсификацией и доступностью кредита. Для целей приобретения и наращивания капитала капитализм может использовать самые разные средства – грабеж, государственный аппарат, торговлю с дикарями, организацию работорговли, эксплуатацию дешевого крепостного труда.

Сами эти средства накопления реализуются в значительной степени на периферии, где уже не должно быть капитализма как системы с классом собственников средств производства и классом наемных работников. Последние доступны в условиях высокой плотности населения, характерной для территорий, располагающихся в центре. Периферия же характеризуется редкостью населения, отсутствием формальной свободы и неразвитостью рынка, что с необходимостью означает устройство общества на периферии в виде какой-либо «докапиталистической формации». Поскольку же эти периферийные области являются составной частью капиталистической системы, это означает, что капитализм не только может пользоваться другими общественными системами для собственной выгоды, но и должен на них опираться, если желает оставаться самим собой, т. е. быть на вершине иерархии. Капитализм может вступать в контакт с любыми социальными структурами и культурами, если это сулит ему приумножение власти и богатства.

Тесная связь капитализма с альтернативными и отсталыми общественными системами иллюстрируется тем, что расцвет крепостного права и рабства в рамках европейской цивилизации пришелся как раз на Новое время – эпоху бурного развития рыночной экономики и становления капитализма. Территории с господством этих форм принуждения образовывали периферийные зоны системы капитализма в том смысле, что капитализм пользовался ими для собственной выгоды. В этом смысле, капитализм в Новое время выступал в сопровождении «свиты иных способов производства» (Бродель, 2006).

Обмен реализуется через разнообразные «орудия» – средства, позволяющие людям его осуществлять. Эти средства Бродель классифицировал по иерархии, на те, что служат преимущественно рыночной экономике, т. е. тем, кто занимает в хозяйстве нижний уровень, и те, что служат «князьям торговли». К первым он относил рынки, лавки и торговлю вразнос. Рынок в данном случае определяется как место, где в определенные дни и часы собираются продавцы и покупатели. Зачастую такие рынки складываются стихийно, как фокальные точки для потенциальных обменивающихся сторон. Лавки – это постоянно работающие торговые точки, принадлежащие отдельному хозяину. Торговля вразнос отличается от стационарной торговли тем, что здесь не покупатель приходит к продавцу, а продавец посещает потенциальных покупателей, предлагая им имеющийся при нем товар.

Торговля вразнос может осуществляться в силу невозможности или неэффективности стационарной торговли при наличии запрещающих правил, при которых такая торговля выступала бы как средство обойти эти правила. Именно по такой причине в советское время была развита своеобразная форма торговли вразнос, выражавшаяся в том, что на рабочих местах или в магазинах появлялись «спекулянты», предлагая вступить в запрещенные сделки³. Другой распространенной причиной развития этого вида торговли является слабое развитие обмена. В современной российской жизни торговлю вразнос практикуют фермеры в садоводствах. И, действительно, причину не сложно увидеть именно в неразвитости обмена, поскольку стационарное распределение в «лавках», вероятно, было бы менее эффективно ввиду их плохой посещаемости сравнительно с охватом всех при развозе.

Подобно прочим институтам и орудиям обмена описанные орудия, используемые нижними звеньями иерархии, не только служат эффективности, но и порождают иерархию. Обмен тяготеет к местам скопления народа, поэтому рынки, лавки и торговцы вразнос концентрируются в городах, превращая их в центры торговли. В результате торговля между городом и деревней происходит в городе, что выступает в качестве дополнительного основания неравенства между ними: город господствует над деревней не только благодаря своей сплоченности и, соответственно, силовому потенциалу, но и через обмен, жмущийся к городу.

«Князья торговли» нуждаются прежде всего в таких средствах обмена, которые допускают крупные размеры и широкий охват обменных операций. В доиндустриальном мире Бродель выделял в качестве таких средств ярмарки, разнообразные склады и биржи. Важно, что все они обеспечивали возможность торговли на дальние расстояния. Ярмарка объединяет торговцев с удаленных стран и регионов, выступая как орудие распределения в национальных и международных масштабах. В современном мире похожую функцию выполняют различные «выставки». Склады важны как орудия оптовой торговли. Биржа же – инструмент оптовой форвардной торговли.

Так же и деньги распадаются на разновидности, в зависимости от того, на каком уровне торговой иерархии ими удобнее пользоваться. До распространения бумажных денег низшие пользовались медью, а высшие – золотом. Эти разные по форме деньги обращались в разных сегментах, и, разумеется, золото обслуживало крупные сделки богатых, обеспечивая сравнительную легкость заключения таковых по причине своей высокой относительной ценности. Наоборот, беднота в основном пользовалась медью, поскольку единственно доступные ей незначительные по ценности сделки удобнее заключать посредством мелких денег, не требующих размена. В современном развитом капиталистическом хозяйстве такое разграничение денег сохранилось, приняв несколько иную форму. Наличность в основном используется на «нижнем уровне» обмена, тогда как крупные сделки проводятся в безналичной форме. При этом сами безналичные деньги неоднородны, в связи

³ Возможно, схожей причиной можно объяснить и современную торговлю вразнос в метро и загородных электричках.

с чем выделяются разные денежные агрегаты М1, М2 и т. д., отражающие использование в качестве денег разных по ценности и по ликвидности активов (*Скоробогатов, 2009b*).

Деньги в качестве института ликвидности (*Скоробогатов, 2006b*) в первую очередь доступны высшим как благодаря их запасам, так и информации, доступной находящимся на вершине. В качестве же средства обмена они служат всем, но и перераспределяют через инфляцию и разнообразие их видов в пользу высших – инфляция повышает их норму прибыли, увеличивая разрыв между ценами конечной продукции и факторов производства. Разнообразие видов расширяет прежде всего выбор богатых, создавая для них дополнительные возможности заключения сделок, поскольку разнообразие во многом возникает за счет тех видов денег, использование которых целесообразно при заключении крупных сделок.

Помимо иерархии, поддерживаемой внутри обществ, деньги создают таковую и в отношениях между обществами, выступая в качестве орудия господства тех, кто эти деньги выпускает, над теми, кто ими пользуется. Такие иерархические отношения могут складываться между метрополией и колониями или же просто между сторонами обмена с неравной переговорной силой. Арабские дирхемы и византийская монета в средние века, английский фунт стерлингов в довоенное время, рубль на пространстве СНГ и доллар в международной торговле – все это примеры денежного доминирования лидеров над множеством подчиненных им партнеров.

Сравнительное развитие средств обмена – указанных орудий вкуче с удельным весом тех, что соответствуют верхним уровням, – позволяет говорить о предпосылках экономического прогресса. В начале Нового времени между Западом и Востоком не было серьезного разрыва в использовании разнообразных орудий обмена и охвате ими населения. Этот разрыв возник и стал углубляться в течение Нового времени, особенно ускорившись после Промышленной революции. Таким образом, разделение труда находило поощрение на Западе с точки зрения не только развитости обмена, но и с учетом богатства и разнообразия средств его организации.

Резюме

Содержание настоящей статьи можно кратко суммировать следующим образом. Индивидуальная рациональность, неравенство силовых возможностей и долгосрочные выгоды сотрудничества – три кита, лежащие в основе любого общества в истории. Рациональность побуждает людей к соперничеству за раздел редких благ, но такой раздел возможен лишь при условии созидательной деятельности, которая не может совершиться без сотрудничества. Так, необходимость производства заставляет людей придавать своим отношениям контрактный характер, а неравенство в распределении силы между ними делает такие отношения иерархическими. Силовой потенциал, таким образом, оказывается основным передаточным звеном между личным интересом и действиями «экономического человека».

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель* (1983). Никомахова этика // *Сочинения в четырех томах*, т. 4. М.: Мысль.
- Бродель Ф.* (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв., т. 3. *Время мира*. М.: Прогресс.
- Бродель Ф.* (1993). Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма.
- Бродель Ф.* (2006). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, т. 2. *Игры обмена*. М.: Весь Мир.
- Бродель Ф.* (2007). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, т. 1. *Структуры повседневности: возможное и невозможное*. М.: Весь Мир.
- Верт Н.* (2006). История советского государства. М.: Весь мир.
- Кулишер И.М.* (2004). История русского народного хозяйства. Челябинск: Социум.
- Маркс К.* (1949). Капитал, т. I. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Момсен Ф.* (1887). Римская история, т. 1–5. М.: В.Ф. Рихтер.
- Осокина Е.А.* (2008). За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН.
- Скоробогатов А.С.* (2006b). Институты как фактор порядка и как источник хаоса: неинституционально-посткейнсианский анализ // *Вопросы экономики*, № 8, с. 102–118.

Скоробогатов А.С. (2006а). Институциональная экономика. Курс лекций. СПб.: СПб филиал ГУ–ВШЭ.

Скоробогатов А.С. (2006с). Фондовый рынок, институциональная структура и проблема стабильности капиталистической экономики // *Вопросы экономики*, № 12, с. 80–97.

Скоробогатов А.С. (2008). Перспективы постиндустриального общества в России в свете иерархичности национальных и региональных экономик // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, № 2, с. 22–34.

Скоробогатов А.С. (2009b). Теория эндогенной денежной массы: спрос на деньги, финансовые инновации и деловой цикл // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, № 1, с. 43–50.

Скоробогатов А.С. (2009а). Жизнь или свобода: рациональные основы принудительного труда в исторической перспективе // *Журнал институциональных исследований*, № 1, с. 57–72.

Скоробогатов А.С. (2011а). Дары, дарообмен и рыночный обмен на шкале организационных форм // *Вопросы экономики*, № 11, с. 38–56.

Скоробогатов А.С. (2011b). Организационные основы силового неравенства и власти // *Terra Economicus*, № 4, с. 38–53.

Шумпетер Й. (1995). Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.

Agliari A., DelliGatti D., Gallegati M., Lenci S. (2006). Complex dynamics of financially constrained heterogeneous firms // *Journal of Economic Behavior & Organization*, no. 4, pp. 784–803.

Braudel F. (1972). The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II, vol. I–II. NY: Harper & Row.

Burke P. (1990). The French historical revolution: The Annales School, 1929–89. Cambridge: Polity Press.

Eichner A.S. (1973). Determination of the mark-up under oligopoly // *Economic Journal*, no. 332, pp. 1184–1200.

Fenoaltea S. (1975). The rise and fall of a theoretical model: the manorial system // *Journal of Economic History*, no. 2, pp. 386–409.

Finley M.I. (1965). Technical innovation and economic progress in the ancient world // *Economic History Review*, New Series, vol. 18, no. 1, Essays in Economic History, pp. 29–45.

Kalecki M. (1966). Studies in the theory of business cycles. 1933–1939. Oxford: Basil Blackwell.

Kalecki M. (1971). Selected essays on the dynamics of the capitalist economy. 1933–1970. Cambridge: Cambridge University Press.

Minsky H.P. (1977). The Financial instability hypothesis: an interpretation of Keynes and an alternative to «standard» theory // *Nebraska Journal of Economics and Business*, no. 1, pp. 5–16.

North D.C. (1981). Structure and change in economic history. NY: W.W. Norton & Company, Inc.

North D.C., Thomas R. (1971). The rise and fall of the manorial system: a theoretical model // *Journal of Economic History*, no. 4, pp. 777–803.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history. Cambridge: Cambridge University Press.

Olson M. (2000). Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships. NY: Basic Books.

Rostovtzeff M. ((1941) 1998). The social and economic history of the Hellenistic world. NY: Oxford University Press.

Sonin K. (2003). Why the rich may favor poor protection of property rights // *Journal of Comparative Economics*, no. 4, pp. 715–731.

Wallerstein I. (1974). The modern world-system: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. NY: Academic Press.

Whittow M. (2008). The Middle Byzantine economy (600–1204) / In: Shepard J. (ed.). The Cambridge history of the Byzantine empire. NY: Cambridge University Press, pp. 465–492.

Wittfogel K.A. (1957). Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven and London: Yale University Press.

REFERENCES

- Aristotle* (1983). The Nichomachean Ethics. *Works*, vol. 4. Moscow: Mysl Publ. (In Russian.)
- Braudel F.* (1992). Material civilization, economy, and capitalism, 15th–18th centuries, vol. 3. The perspective of the world. Moscow: Progress Publ. (In Russian.)
- Braudel F.* (1993). Dynamics of capitalism. Smolensk: Poligramma Publ. (In Russian.)
- Braudel F.* (2006). Material civilization, economy, and capitalism, 15th–18th centuries, vol. 2. The wheels of commerce. Moscow: Vesmir Publ. (In Russian.)
- Braudel F.* (2007). Material civilization, economy, and capitalism, 15th–18th centuries, vol. 1. The structure of everyday life. Moscow: Vesmir Publ. (In Russian.)
- Kulischer I.M.* (2004). History of Russian economy. Chelyabinsk: SociumPubl. (In Russian.)
- Marx K.* (1949). Capital, vol. I. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury. (In Russian.)
- Mommsen T.* (1887). The Roman history, vol. 1–5. Moscow: V.F. Richter Publ. (In Russian.)
- Osokina E.A.* (2008). Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941. Moscow: ROSSPENPubl. (In Russian.)
- Schumpeter I.* (1995). Capitalism, socialism, and democracy. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russian.)
- Skorobogatov A.S.* (2006a). Institutional Economics. Saint-Petersburg; SU–HSE. (In Russian.)
- Skorobogatov A.S.* (2006b). The Institutions as the Ordering Factor and as the Destabilizing Force: New Institutional and Post Keynesian Perspectives. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 102–118. (In Russian.)
- Skorobogatov A.S.* (2006c). Stock Market, the Institutional Structure and Stability Issue in the Capitalist Economy. *Voprosy Ekonomiki*, no. 12, pp. 80–97. (In Russian.)
- Skorobogatov A.S.* (2008). Postindustrial society perspectives in Russia in the light of hierarchism of national and regional economies. *Economic Herald of Rostov State University*, no. 2, pp. 22–34.
- Skorobogatov A.S.* (2009a). Life or Freedom: Rational Principles of the Coerced Labor in Retrospect. *Journal of Institutional Studies*, no. 1, pp. 57–72. (In Russian.)
- Skorobogatov A.S.* (2009b). Endogenous money supply theory: money demand, financial innovations and business cycle. *Terra Economicus*, no. 1, pp. 43–50. (In Russian.)
- Skorobogatov A.S.* (2011a). Gifts, Gift-Exchange, and Market Exchange as Organizational Alternatives. *Voprosy Ekonomiki*, no. 11, pp. 38–56. (In Russian.)
- Skorobogatov A.S.* (2011b). Organizational Foundations of the Force Inequality and Power. *Terra Economicus*, no. 4, pp. 38–53. (In Russian.)
- Vert N.* (2006). History of the Soviet state. Moscow: Ves Mir Publ. (In Russian.)
- Agliari A., DelliGatti D., Gallegati M. and Lenci S.* (2006). Complex dynamics of financially constrained heterogeneous firms. *Journal of Economic Behavior & Organization*, no. 4, pp. 784–803.
- Braudel F.* (1972). The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II, vol. I–II. NY: Harper & Row.
- Burke P.* (1990). The French historical revolution: The Annales School, 1929–89. Cambridge: Polity Press.
- Eichner A.S.* (1973). Determination of the mark-up under oligopoly. *Economic Journal*, no. 332, pp. 1184–1200.
- Fenoaltea S.* (1975). The rise and fall of a theoretical model: the manorial system. *Journal of Economic History*, no. 2, pp. 386–409.
- Finley M.I.* (1965). Technical innovation and economic progress in the ancient world. *Economic History Review*, New Series, vol. 18, no. 1, Essays in Economic History, pp. 29–45.
- Kalecki M.* (1966). Studies in the theory of business cycles. 1933–1939. Oxford: Basil Blackwell.
- Kalecki M.* (1971). Selected essays on the dynamics of the capitalist economy. 1933–1970. Cambridge: Cambridge University Press.
- Minsky H.P.* (1977). The Financial instability hypothesis: an interpretation of Keynes and an alternative to «standard» theory. *Nebraska Journal of Economics and Business*, no. 1, pp. 5–16.
- North D.C.* (1981). Structure and change in economic history. NY: W.W. Norton & Company, Inc.
- North D.C. and Thomas R.* (1971). The rise and fall of the manorial system: a theoretical model. *Journal of Economic History*, no. 4, pp. 777–803.

North D.C., Wallis J.J. and Weingast B.R. (2009). Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history. Cambridge: Cambridge University Press.

Olson M. (2000). Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships. NY: Basic Books.

Rostovtzeff M. ((1941) 1998). The social and economic history of the Hellenistic world. NY: Oxford University Press.

*Sonin K. (2003). Why the rich may favor poor protection of property rights. *Journal of Comparative Economics*, no. 4, pp. 715–731.*

Wallerstein I. (1974). The modern world-system: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. NY: Academic Press.

*Whittow M. (2008). The Middle Byzantine economy (600–1204) / In: *Shepard J. (ed.)*. The Cambridge history of the Byzantine empire. NY: Cambridge University Press, pp. 465–492.*

Wittfogel K.A. (1957). Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven and London: Yale University Press.